

Татьяна Артёмова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ КАК ЦЕННОСТНЫЙ ОПЛОТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Раскрывается содержание фундаментального научного знания как источника мировоззренческих принципов свободного научного поиска в эпоху глобальных социально-экономических трансформаций. Высветлена творческая миссия экономической теории как ценностного оплота общества, приемлемого для жизни, – гармоничной институциональной архитектоники.

К л ю ч е в ы е с л о в а : социально-экономическая модернизация, экономическая теория, отношения стоимости, экономическое благо, институциональная архитектоника хозяйствования.

JEL: A130, B410.

В контексте восстановления поступательной воспроизводственной динамики важнейшей инициативой посткризисного развития глобальной экономики явились программы национальной модернизации. В научной литературе под модернизацией, как правило, понимают процесс системного преобразования экономических, политических, культурных, социальных и научно-технических механизмов развития общества, направленного на сокращение разрыва в уровне национального развития с передовыми странами. Способности современных людей научно направлять изменения в обществе уточняются посредством понятия "органической", или инклюзивной, модернизации, которая осуществляется с опорой на ресурсы всего общества и отвечает интересам всего общества (Геець, 2010. С. 4). Более конкретно, речь идёт о новой индустриализации и стратегии социально-экономического ускорения. Важнейшую роль в процессах наметившейся социально-экономической модернизации призвана сыграть наука – научное знание в целом.

Между тем, современная наука, организованная в соответствии с законами рынка на принципах экономики знаний, не оправдывает возлагаемых на неё надежд в формировании принципиально новой мировоззренческой и управленческой парадигмы хозяйственного обустройства. Традиционные аргументы и посулы в пользу возможностей с её помощью обеспечить экономический рост, повысить конкурентоспособность хозяйствующих субъектов, расширить занятость, стимулировать инновационное развитие выглядят актуальными в контексте борьбы с метастазами кризиса, залатывания дыр и устранения отдельных огрехов в конструкции обветшавшего здания общественной экономической системы, но служат весьма слабым оправданием для существования науки как сферы человеческой деятельности, призванной осмыслить сакральную природу модернизации глубинных устоев хозяйственного бытия во времена его глобальных трансформаций. В контексте необходимости широкого культурно-исторического осмысления назревших в мировой экономике в целом инфраструктурных реформ гражданское сообщество взывает к фундамен-

---

Артёмова Татьяна Ивановна (vobulimans@mail.ru), д-р экон. наук, главный научный сотрудник отдела экономической теории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины".

тальному научному знанию с требованием его общественного самооправдания, предъявления доказательств целесообразности самого факта его существования. Самооправдание науки как формы общественного сознания, источника коллективного разума при этом на поверку оказывается самооправданием целесообразности самой общественной жизни и смысла её модернизации.

Известно, что эпоха модерна ("модернити"), исторически развернувшаяся на европейских просторах начиная с XVI века, ознаменовала мирсистемный переход от общества аграрного, традиционного к индустриальному, буржуазному, или капиталистическому. Специалисты различают несколько этапов капиталистической модернизации традиционного Запада (Федотова, Колпаков, Федотова, 2011. С. 6–10): первую (становление либерального капитализма как глобального феномена в конце XIX – начале XX веков), вторую (организованный капитализм, прошедший в своём развитии в течение XX века несколько фаз) и третью (когнитивный капитализм рубежа XX–XXI веков) современность. Думается, этот последний период можно характеризовать как "длящийся модерн", а инициированные здесь в рамках экономики знаний программы модернизации – как попытки капиталистической системы обрести новую жизнь на этапе новейшей истории.

Американо-европейская инициатива "новой экономики" с ядром в форме экономики знаний (в конструкторе которой как бы обретал своё глобальное концептуальное завершение и практическое осуществление провозглашённый эпохой Просвещения проект построения "царства разума"), получила отображение в ряде глобальных программных документов и встретила широкую поддержку во многих регионах мира. Между тем, вызреванию и распространению экономики знаний сопутствовала общая ценностная деградация хозяйствующего социума на всех его уровнях; она заявила о себе в полную силу в ходе нарастания социально-экономических диспропорций и катастроф конца XX – начала XXI веков.

О ценностном (духовном) обнищании капиталистической системы хозяйства давно пишут Дж. Гэлбрейт, Р. Ингледарт, М. Кастельс, Т. Сакайя, О. Тоффлер, Л. Туроу, С. Хантингтон, А. Этциони, другие известные экономисты и социологи. Однако на рубеже веков проблемы морального упадка в обществе обнаружили пределы самого существования последнего как глобального социума-универсума. Тем самым на повестку дня был вынесен вопрос ценностного осмысления истинного (сокровенного) содержания глобального проекта модернизации как процесса преобразования глубинных пластов социально-экономического бытия посредством их оживотворения – творческого восстановления. Миссию такого масштаба призвана выполнить наука как одна из форм общественного сознания, как деятельный субъект, промыслительно воспроизводящий действительность. Ибо если сообщества, принадлежащие к различным религиозным конфессиям и, соответственно, говорящие на разных ценностных языках, сегодня на глобальных просторах всё более чётко воплощают тенденцию "столкновения цивилизаций", то язык науки как субъекта коллективного разума, являясь единым и понятным для всех, способен отобразить ценностные устремления всего человечества.

Проблема самоопознания науки как глобального деятельного субъекта в определённой форме была поставлена в трудах В. Вернадского. При этом автор выступал с позиций беспристрастного учёного-натуралиста, чуждого религиозных воззрений и "абстрактного философствования", который "во избежание всяких недоразумений" при характеристике сути субъекта ограничивал область исследования феноменом живого природного тела (живого вещества). В таком контексте научная мысль человеческого сообщества выявила себя в образе глобального (планетного) субъекта, который посредством организованного человеческого труда уподобляется специфически-космогонической геологической силе, закономерно определяющей развитие самой жизни на земле (ибо ход истории научной мысли выступает как природный процесс истории

биосферы) (1991. С. 39) и трансформирующей всю область активной органической жизни в бытие ноосферы. Однако научное знание неоднородно. Структурируя его, Вернадский вычленяет "вечный остов науки": математические, логические науки, аппарат фактов и обобщений (1991. С. 96, 117). Что же касается научного мировоззрения – моральной стороны науки в лице общеобязательных истин, открывающих пути к достижению "общего блага человечества" в условиях "полной свободы научного искания", то исходно заданные натуралистические рамки исследования не позволяли автору найти его источник. Между тем, проблема утверждения ценностной платформы научного знания – совокупности принципов научного мировоззрения – становится ключевой в процессе эволюционирования биосферы в ноосферу, без её разрешения указанная трансформация оказывается невозможной.

По мнению Вернадского, вопрос о моральной стороне науки, независимо от религиозного, государственного или философского проявления морали, для учёного становится "на очередь дня". Он подготовлен всей предшествующей историей и в эпоху глобальных трансформаций становится действительной преобладающей силой. То государство, которому удастся создать наилучшие предпосылки для реализации свободного научного поиска, сведя до минимума преграды на его пути, может рассчитывать на роль лидера в становлении ноосферы и достижение в ней наиболее устойчивых позиций.

Однако свобода научного поиска не тождественна своеволию, её границы, весьма жёсткие, находятся внутри самой науки, то есть должны быть приняты научным сообществом добровольно. По мнению Вернадского, эти границы выявляются в ходе становления новой научной этики (1991. С. 99), а нравственная ответственность учёного за результаты своей творческой деятельности приобретает характер реальной преобразующей силы не только в масштабах вселенского обустройства общественной жизни, но даже и на обыденном бытовом уровне (1991. С. 90–91). На исходе XX – в начале XXI веков стали очевидными результаты "победоносного шествия научной мысли", свободной от нравственных ориентиров. Распад Советского Союза и глобальный финансово-экономический кризис, массовая безработица, выхолащивание ценностной сердцевины общественных институтов, безобразная поляризация доходов и уровней жизни, "экономика знаний" как жалкое подобие предвосхищаемого идеологами эпохи Просвещения "царства разума", всеобщее недоверие и эскалация прямого насилия – такова цена, уплачиваемая человечеством за бездуховность и самонадеянность. Практика хозяйствования убедительно подтверждает предположения Вернадского о том, что нравственная слепота научного знания является сущностной причиной неадекватного осмысления глобальных вызовов бытия, а следовательно, предлагаемых рецептов и программ общественного ответа на них.

Проблема утверждения нравственных принципов научного поиска до сих пор остаётся открытой. В контексте глобальной общественной трансформации, необходимость которой была научно опознана и поставлена на повестку дня почти сто лет назад, её разрешение также приобретает глобальный характер. Сегодня это критически важно для прояснения оснований равновесного функционирования и устойчивого развития хозяйствующего социума как органичной целостной системы, тождественно отказу от саморазрушения и общественному выбору в пользу жизни как единственно возможного бытия разумного естества. Формирование ценностной платформы научного знания сопряжено с необходимостью фундаментального осмысления сущности жизни.

В XX веке всплеск научного интереса к проблеме происхождения и сущности жизни наблюдался в 1960-е годы в связи с освоением космического пространства (и попытками идентификации форм внеземной жизни), с развитием кибернетики, химических и биологических наук, открывающих возможности искусственного воспроизведения жизни. Сего-

дня проблематика исследовательских программ, связанных с осмыслением происхождения и сущности жизни, значительно сузилась, сосредоточилась на процессах жизнеобеспечения, откорректировалась в соответствии с рыночной конъюнктурой. К числу наук о жизни, как правило, относят медицину, биологию, генную инженерию, а также области знания, связанные с моделированием жизни и искусственного интеллекта. Существующий социальный запрос сместил остроту социально-экономических исследований феномена жизни в плоскость апологии норм медицинского, экологического и прочего права. Успехи в области медицины, моделирования интеллекта и живых организмов, коммерциализация соответствующих научных проектов и прагматическая направленность общественной идеологии всё более затушёвывают трансцендентную сущность бытия. Но проблема парадоксальности жизни сохраняет своё фундаментальное значение для человека.

Господствующий в современном обществоведении функциональный подход (так называемый рыночный фундаментализм) уводит науку от проблемы широкого осмысления жизни, но тем не снимает, а лишь усугубляет её. С одной стороны, проблема сущности жизни продолжает оставаться ареной острой (хотя внешне малозаметной) мировоззренческой борьбы – науки, философии и религии, материализма и идеализма. С другой – предвосхищённая В. Вернадским, а ранее К. Марксом, идеология эпохи Просвещения, да, собственно, всеми выдающимися мыслителями человечества глобальная общественная трансформация с необходимостью требует постижения и утверждения новой, ноуменальной, формы жизни как основания царства свободы, царства разума. Для восстановления фундаментальных научных исследований сущности жизни актуальным подспорьем остаётся классическое наследие, прежде всего, достояние классической философии.

Именно в недрах классической философии сформирован и бережно хранится самый императив нравственности, без социально-экономического овладения которым такая общественная трансформация не может состояться. С позиций классической философской мысли, жизнь есть способность существа поступать по законам способности желания (Кант, 1995 б. С. 128), которые по своей сути являются законами нравственности, морали. Этические же нормы в форме категорических императивов образуют самый язык разума, на котором он говорит с человечеством и с каждым отдельным человеком. Чем более просвещённый разум предаётся мысли о наслаждении жизнью и счастьем, тем дальше человек от истинной удовлетворённости, говорит Кант. Напротив, в основе суждений об умеренности и даже сведении к нулю тех выгод, которые сулит нам разум в отношении счастья и жизненных удовольствий, скрыто лежит идея другой и гораздо более достойной цели человеческого существования; именно для этой цели, а не для счастья предназначен разум, и её как высшее условие должны поэтому большей частью предпочитать люди как разумные существа своим личным целям (1995 а. С. 62). Истинное предназначение разума должно состоять в том, чтобы породить волю не как средство для достижения иной цели, а добрую волю саму по себе. Добрая воля при этом не является единственным и всем благом, но она составляет то Высшее благо для человека и человечества как разумного существа, которое одновременно является условием и для всего прочего, даже для всякого желания счастья. Понятие доброй воли в форме установлений естественного закона, согласно Канту, содержится уже в природном здравом человеческом рассудке, и его нужно не столько внушать, сколько разъяснять посредством развёртывания представлений о долге как необходимости совершения поступка из уважения к закону. Ибо предметом наивысшего уважения для человека является закон, и притом (идеально) лишь тот закон, который человек сам налагает на себя и, тем не менее, как необходимый сам по себе, то есть объективно. Это значит: я всегда должен поступать только так, чтобы я одновременно мог желать

превращения моей максимы (субъективного принципа поступков) во всеобщий закон, говорит Кант (1995 а. С. 67).

Каждая вещь в природе подчиняется действию законов, и только существо, наделённое разумом, имеет волю, или способность поступать согласно представлению о законах, то есть согласно принципам. Представление об объективном принципе, поскольку он принудителен для воли, называется велением разума, а формула веления разума суть императив. Все императивы выражены через *долженствование*. *Категорический же императив* не ограничен никакими условиями (*не обусловлен*) и как абсолютно, хотя и практически необходимый, является велением в собственном смысле (1995 а. С. 76–79). Существует лишь один категорический императив, а именно: поступай только согласно такому принципу, руководясь которым ты в то же время можешь пожелать, чтобы он стал всеобщим законом. Всеобщий императив долга мог бы гласить также: поступай так, как если бы твои субъективные поступки с неизбежностью могли трансформироваться во всеобщий закон природы.

Таким образом, не потребность в абстрактных размышлениях (к чему у него совершенно нет охоты, пока он руководствуется нормами здравого смысла), а сугубо практические соображения побуждают обычного человека обратиться к познанию, прибегнуть к услугам научной системы знаний, чтобы получить у неё ясные сведения и указания относительно источника и истинного назначения объективного принципа своего поведения в сопоставлении с принципами субъективными. Это должно помочь обыденному разуму выйти из затруднительного положения, возникающего вследствие двойственных притязаний человеческой природы, и избежать опасности лишиться всех нравственных принципов из-за двусмысленности. Но и для теоретического разума вопрос о том, как возможен императив нравственности, составляет главное затруднение, ибо объективно представляемая необходимость не может опереться ни на какие конкретные предположения и примеры, как в случае с гипотетическими императивами. Следовательно, истинное предназначение науки, претендующей на статус фундаментальной, состоит в том, чтобы дать как теоретическому, так и практическому (в двух его ипостасях – теоретико-практическому и обыденному) разуму (человеческому мышлению) чёткие нравственные ориентиры, которые избавили бы его от губительных колебаний вследствие склонности к диалектике – предвзятому умствования. В этом состоит самооправдание фундаментального научного знания в эпоху глобальной социально-экономической модернизации как способа овладения категорическим императивом нравственности (ценностным языком) общественного хозяйствования и предпосылки созидания общества, приемлемого для жизни, гармоничной институциональной архитектоники.

По мнению Канта, на роль царицы фундаментального знания претендует метафизика нравственности – совершенно особенная сфера промыслительной деятельности, которая, с одной стороны, не содержит в себе ни грана эмпирических принципов и далека от спекулятивно-созерцательной философии, но с другой – всецело предстоит общетеоретической системе знаний и определяет всю прикладную науку; она также совершенно игнорирует земную человеческую природу – “пренебрегает” антропологией, человеческими склонностями и стремлениями к счастливой жизни, между тем, ценностный язык, на котором она говорит, прост и понятен каждому человеку, а практические законы, которые она обосновывает, открывают пути к нормальным условиям воспроизводства жизненных благ для всех хозяйствующих субъектов. Миссию формирования метафизики нравственности он возлагает на философию – ту её составляющую, которая аккумулирует постулаты чистой практической философии, чистого практического разума. При этом храм метафизики нравственности как особой науки (по сути, царицы фундаментальных наук, а вместе с тем и всей совокупности научного знания) человечеству ещё только предстоит воздвигнуть.

Между тем, разрешить проблему, как теоретически, практически и организационно возможен Категорический Императив, каким образом нравственный закон может обуславливать истинную и прочную выгоду, если эта выгода должна распространяться на всё бытие сущего, на всю систему общественного хозяйствования, как примирить между собой веления нравственного долга (ценности Доброй воли) с человеческими притязаниями на земное счастье, философия, по признанию классиков, оказывается не в состоянии, ибо не располагает для этого адекватными скрепами – собственным ценностным ядром. Но фундаментальная методологическая несостоятельность современного научного знания, которая обуславливается его опорой на философские скрижали, закрывает для человечества пути глобальной ноосферной трансформации.

Следовательно, прояснение механизмов деятельной реализации категорического императива нравственности становится сегодня критически важным не просто для успешного развёртывания программ социально-экономической модернизации, но для обеспечения самой жизнеспособности хозяйственной системы в её противостоянии нарастанию хаоса и процессуальности. Выявленная и бережно сохранённая классической немецкой философией "новая формула общественной моральности" должна быть поставлена на службу обществу, и пока этого не произойдёт, фундаментальное научное знание не сможет опознать свою историческую миссию, а хозяйственная жизнь будет подвергаться риску необратимого нравственного распада.

Действительно, наиболее характерным признаком теоретического разума сегодня остаётся склонность к диалектике – ценностной раздвоенности мышления, когда усилия, связанные с вычлениением этического ядра научного знания как объективного общеметодологического принципа восстановления оснований хозяйственной жизни в её трансцендентном смысле по необходимости сопрягаются с преследованием целей, ориентированных на экономический результат. Попытки субъектов современной экономики знаний сформировать платформу приемлемого для жизни общества посредством отладки механизмов идентификации, институционализации и эффективного управления существующей совокупностью социально-экономических рисков остаются всего лишь благими намерениями. Они осуществляются параллельно с непрерывным продуцированием угроз и рисков (Бехман, 2007). Фундаментальные ценности могли бы стать надёжным навигатором для человечества на его пути к новому модерну, однако международное сообщество, насколько оно вообще существует, имеет очень мало таких ценностей, замечает Дж. Сорос (1999. С. 82–83).

В условиях, когда глобальные вызовы бытия становятся всё более разрушительными, угрожая самому существованию системы общественного хозяйства, на место лидера фундаментального научного знания история с необходимостью возводит экономическую теорию. В том, что именно экономическая теория (политическая экономия) в единстве трёх основополагающих своих ветвей – классической, неоклассической, институциональной – способна обеспечить преемственность с классической философией и не просто воспринять опознанный ею и бережно сохранённый категорический императив нравственности, но и объяснить его "возможность" – механизмы деятельной социально-экономической реализации, нет никаких сомнений. Уже сегодня экономическая наука располагает необходимым инструментарием для реализации этой миссии, аккумулируя сложнейший аппарат функционального анализа, диалектический (причинно-следственный) метод исследования, многообразие институциональных подходов, научные основы управления хозяйственными системами различных уровней; принципы социально-экономической инженерии (моделирования) с учётом закономерностей равновесного функционирования и устойчивого развития хозяйствующих субъектов и многое другое. Но главным аргументом в пользу творческой миссии экономиче-

ской теории является то, что она "показывает свою чистоту как заключающая сама в себе свои законы" – тем, что имеет в качестве объекта, предмета и методологии своего исследования понятие и отношения стоимости (экономической ценности).

Понятие (как образ отношений) стоимости (ценности), являясь системообразующим для любой отрасли теоретического знания и человеческого мышления в целом, идентифицирует (институционализирует) науку как одну из форм общественного сознания и обуславливает сущностное отличие научного знания от искусства, опыта либо мнения. То, что составляет предмет научного знания, существует с необходимостью, а значит, вечно, ибо по своему предмету научное знание есть знание о бытии (Аристотель, 1983. С. 175). Бытие является тем общим предметом и основой аналогии, которая связывает в единство различные роды научного знания, обуславливает их иерархию, делает возможной классификацию. Иерархия наук соответствует иерархии форм бытия. Место каждой науки в этой классификации определяется близостью её предмета к "чистой форме", то есть степенью "формальности" её предмета, ибо наивысшим предметом метафизики, по Аристотелю, является сущность, созерцательно постигаемая лишь умом, мышлением о мышлении. Поддерживая исторический диалог, Кант осмысливает предмет метафизики (чистого источника фундаментального знания) более широко – в контексте законов Доброй воли самой по себе, законов нравственности, а следовательно, свободы. Между тем, методологически опекая научное знание (а вместе с тем и правила обустройства хозяйственного бытия), философия смещает фокус общественного внимания с исходно предполагаемых чистых форм Доброй воли на безобразные этические нормы внутреннего законодательства. Не так обстоит дело с понятием и отношениями стоимости (экономической ценности), которые по своей природе трансцендентны, суть превращённые чистые формы и одновременно Благо.

Экономическая ценность как экономическое благо (исходное условие и полезный результат человеческой хозяйственной деятельности) в процессе общественного обмена проявляет свою сущность как взаимообусловленное и взаимоперетекающее (институциональное) триединство стоимости, предельной полезности и цены. Экономическая ценность как благо есть результат ценностного выбора в системе "природа – человек – общество", осуществляемого на основе взаимодействия ценностей, норм и оценок и отображающего взаимосвязь выбора целей хозяйственной деятельности и средств их реализации в условиях экономических альтернатив. Взаимопревращаясь из субъективного ощущения-"точки" в объективное общественное отношение, она развёртывается в систему общественных институтов (многомерное бытие хозяйства) и восходит за пределы человеческой истории, бытия сущего – к Высшему благу (Артёмова, 2006).

В отличие от всей совокупности наук, которые в свой теоретической (рациональной) части лишь косвенно (неявно, опосредованно) идентифицируются стоимостными (ценностными) отношениями как сущностным основанием хозяйственного бытия, экономическая теория (политическая экономия) указанные отношения имеет в качестве центральной проблемы: собственно непосредственного объекта, предмета, метода, меры. Под влиянием стоимостных отношений политическая экономия сформировалась как наука, познала Закон хозяйственной жизни и отобразила его в собственном имени. Отношения стоимости являются неиссякаемым источником жизненной силы и мудрости экономической теории, внутренним беспокойством её чистой формы, сокровенным средством деятельно-трудового восстановления мира, предваряющего освобождение "природы творящей" (*natura naturans*) от оков "природы сотворённой" (*natura naturata*).

В условиях, когда экономика не играла главенствующей роли в формировании системы общественных отношений и институтов, теория ценности развивалась преимущественно усилиями философии и религии. Со временем экономические отношения в системе общественного хозяй-

ствования приобретают всеобщий характер, а стоимость образует содержание целевой функции этой системы. Одновременно полномочия в объяснении ценностных механизмов функционирования и развития общественного хозяйства переходят к экономической теории. Однако внешне этот процесс был неразличим, ибо единая ценностная теория вызрела обособленно в пространстве и времени, в состоянии идеологической неприязни формирующих её научных школ и течений. И лишь сегодня, когда теории стоимости, предельной полезности и цены вполне вызрели в недрах экономической науки, а процессуальность хозяйственной жизнедеятельности достигает своего апогея, развёртываясь в глобальных масштабах, приходит время единой теории экономической ценности. Глобальный общественный запрос кардинально меняет место и роль экономической теории в обществе: она "становится" впереди всех наук, чтобы озарять пути развития всех сфер хозяйственной жизнедеятельности светом экономической ценности.

Наивысшим предметом метафизики, по Аристотелю (и в соответствии с постулатами классической немецкой философии), является сущность, созерцательно постигаемая лишь умом – мышлением о мышлении (1976. С. 40–49). Между тем, указанный подход отображает пределы умопостигаемого мира, формирует для науки и человеческого мышления (практического разума) замкнутую систему, склонную к накоплению энтропии и саморазрушению; тем самым разрушительному воздействию в период глобальных трансформаций подвергается вся система общественного хозяйства. В свете экономической ценности, отображаемой политической экономией, теоретический разум обретает подлинную свободу для научного поиска, а общественное хозяйствование – нравственные ориентиры экономического поведения. Экономическое благо как экономическая ценность, единая в трояком определении предельной полезности, стоимости и цены, является истинным предметом экономической теории (политической экономии) и одновременно той адекватной мерой, которую она прилагает для взыскания экономики как своего объекта. Понятие и отношения экономического блага как ценности имеют соответствующую взаимообусловленную иерархию, которая позволяет рассматривать общественное хозяйство как открытую, внутри себя свободную систему, сообразную с гармоничной институциональной архитектурой и способную к её воплощению.

Главным аргументом в пользу творческой миссии экономической теории в период глобальной общественной модернизации является то, что она имеет внутреннее ценностное ядро – единое в трояком определении предельной полезности, стоимости и цены, которое в свёрнутом виде содержит и адекватно отображает логикой превращённых экономических форм генезис и исторические судьбы общественного хозяйства как бытия экономического пространства-времени. В определённой форме проблема взаимосвязи бытия экономического пространства-времени и отношений стоимости была обозначена в работах А. Гриценко (2001 и др.). Последовательное обоснование и развёртывание указанной взаимосвязи создаёт предпосылки для формирования методологии экономической ценности как ядра новой философии хозяйства, а вместе с тем нового образа мышления и стиля жизни, восстанавливающих преемственность равновесного функционирования и устойчивого развития субъектов хозяйствования на всех его уровнях, от наноуровня до глобального (Артёмов, 2006). Логико-исторический процесс формообразования экономической ценности является актуальным, ибо он представляет собой одновременно "разворачивание истории в современность" (Гриценко, 1997), а следовательно, составляет сердцевину теории переходной экономики, способную обосновать механизмы эффективного обуздания хозяйственной процессуальности.

Духовное преображение общества посредством опознания фундаментальным научным знанием своей творческой миссии как источника

нравственных устоев хозяйственного человеческого общежития (по Канту, нравственных принципов всеобщего законодательства) составляет ценностное основание глобальной модернизации социально-экономического бытия в направлении становления ноосферы как общества, приемлемого для жизни – гармоничной институциональной архитектоники (Институциональная архитектоника., 2008). Но до тех пор, пока экономическая теория (политическая экономия) не опознает свою творческую миссию чистого источника фундаментального научного знания, пока она дистанцируется от своей центральной проблемы, не рассматривая её как достойную неустанного научного внимания, пока расколотой остаётся триединая по своей природе стоимостная методологическая платформа, весь накопленный экономической наукой (и теоретическим разумом в целом) мощный методологический арсенал является обоюдоострым орудием, перманентно подрывающим устои общественного доверия, а следовательно, и равновесия в хозяйственной системе.

Литература

- Аристотель (1976) *Метафизика* // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 1. М.: Мысль.
 Аристотель (1983) *Никомахова этика* // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль.
 Артёмова Т.И. (2006) *Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования*. К.: Основа.
 Бехман Г. (2007) *Современное общество как общество риска* // Вопросы философии. № 1. С. 26–46.
 Вернадский В.И. (1991) *Научная мысль как планетное явление*. М.: Наука.
 Геєць В.М. (2010) *Ліберально-демократичні засади: курс на модернізацію України* // Економіка України. № 3. С. 4–20.
 Гриценко А.А. (1997) *Структура рыночной трансформации инверсионного типа* // Экономика Украины. № 1. С. 4–10.
 Гриценко А.А. (2001) *Эволюция стоимости* // Экономика Украины. № 4. С. 45–55.
 Гриценко А.А. (ред.) (2008) *Институциональная архитектоника и динамика экономических преобразований*. Харьков: Форт.
 Кант И. (1995 а) *Основы метафизики нравственности* // Критика практического разума. СПб: Наука. С.53–119.
 Кант И. (1995 б) *Критика практического разума* // Критика практического разума. – СПб: Наука. С. 121–258.
 Сорос Дж. (1999) *Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности*. М.: ИНФРА-М.
 Федотова В.Г., Колпаков В.Г., Федотова Н.Н. (2011) *Меняющаяся социальность: будущее капитализма* // Вопросы философии. № 6. С. 3–15.

Поступила в редакцию 20.04.2015 г.

POLITICAL ECONOMY AS A VALUE STRONGHOLD OF SOCIO-ECONOMIC MODERNIZATION

Tatiana Artemova

Author affiliation: Doctor of Economics, Institute for Economics and Forecasting, NAS of Ukraine" email: vobulimans@mail.ru.

The article reveals the contents of fundamental scientific knowledge as a source of philosophical principles of free scientific search during the age of global socio-economic transformations. The author highlights the creative mission of economic theory as a value bulwark of the society, which is acceptable for life, in term of harmonious institutional architectonics.

Keywords: socio-economic modernization, economic theory, value relations, economic benefit, institutional architectonics of economics management.

JEL: A130, B410.